

**Б. А. КИСТЯКОВСКИЙ
О ПРИРОДЕ ПРАВА**

Е. А. Фролова*

Показан вклад отечественного философа и теоретика права, неокантIANца Б.А. Кистяковского в трактовку сущности права. Он отстаивал методологический плюрализм, выделяя четыре теоретических и два практических понятия права.

НеокантIANский мотив в теории Кистяковского проявился в особом указании на нормативный характер правовых явлений и права в целом, на его независимость от каких-либо внешних авторитетов или внутренних мотиваций поведения человека.

Рациональный элемент в нормах права, по учению Кистяковского, составляет основную их характеристику. Право, подобно понятиям, создается разумом, без которого нормы не могут быть созданы. Нормы права выражают нормальное (типичное) сознание и поведение лиц. Однако право является и фактом социальной жизни, которое в действительности реализуется через правовые отношения, поэтому большую роль играет понимание субъективного права. Правовые отношения реализуются через субъективные права и юридические обязанности; они безусловно конкретны, единичны и индивидуальны.

***Ключевые слова:** философия права, неокантIANство, нормы права, юридические обязанности, субъективные права.*

Последователи критической философии в лице отечественных теоретиков права внесли большой вклад в исследование вопросов понимания права. Развивая философию Канта, они предлагали оценивать право с разных сторон, однако видели в праве преимущественно этически должное. Тем самым кантIANское направление противостояло юридическому позитивизму и социологическим воззрениям на право.

К началу XX в. уже было очевидно, что право относится к различным сферам человеческой жизни и деятельности — оно является и государственно-организационным, и социологическим, и психическим, и нормативным феноменом, из чего

* Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, строение 13 – 14 (4-й гуманитарный корпус).

Поступила в редакцию 05.10.2013 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2014-2-6

© Фролова Е. А., 2014

следовало то, что и понятия права должны быть различны. Поэтому отечественный ученый Богдан Александрович Кистяковский выделяет четыре теоретических и два практических понятия права.

Государственно-организационное понятие права представляет право как приказ власти и разрабатывается в основном юристами-позитивистами. Эта интерпретация недооценивает роль обычного, государственного, международного права.

Социологическая трактовка права исследует его реализацию, то есть весь спектр национальных, бытовых, экономических и иных отношений, проявляющихся в правоотношениях. Данный подход не учитывает целесообразный аспект, необходимый для понимания права.

Психологическая интерпретация права основывается на изучении психических переживаний долга и обязанностей, образующих правовую психику. Эта теория при всей оригинальности не может охватить всю палитру объективного права.

Нормативное понятие права подходит к изучению права как к совокупности норм, заключающих идеи должного поведения людей. С позиций этой теории сложно исследовать реальные правовые отношения. Здесь Б. А. Кистяковский замечает, что данное толкование обладает наибольшей познавательной ценностью, поскольку нацелено на культуру в целом и правовую культуру в частности.

Технические (практические) понятия права представляют собой *юридико-догматическое* и *юридико-политическое* изучения правового материала, требующие точного, ясного изложения действующей системы права в наиболее понятной форме.

С точки зрения методологического плюрализма важно заметить, что все эти понятия разнородны, между ними нет логической подчиненности. Причина сложности определения права состоит в том, что юриспруденция развивает свои понятия в тесной связи с философией, а ее уровень всецело определяется глубиной научно-философского сознания данной эпохи. В частности, отмечая эту тесную и неразрывную связь юриспруденции и философии, один из отечественных представителей Марбургской школы неокантианства В. А. Савальский указывал на то, что задача критической философии по отношению к юридической проблеме заключается в освобождении понятий юриспруденции от метафизики и психологизма (Савальский, 1909, т. 1, с. 261). Впервые требование изложить юридическую проблему как критику силы юридического суждения было высказано Г. Еллинеком, который в своей методологии опирался на подходы Риккерта, Зигвартта, Виндельбанда, Штаммлера.

Сложность правового феномена определяется тем, что наряду со своей многоаспектностью право – важнейший социальный регулятор, то есть общественное явление, которое едино. Эта двойственность создает основные трудности для уяснения содержания права. Однако не подлежит сомнению, полагал Б. А. Кистяковский, что нельзя удовлетворяться лишь перечислением его научных трактовок: должны существовать синтетические формы, которые объединяли бы разные понятия в новый вид познавательных единств. Б. А. Кистяковский в духе своих немецких учителей и коллег ставил задачу «найти такие логические формы, которые объединяли бы

различные научные понятия явлений, лежащих в основании культурных благ» (Кистяковский, 1998, с. 195). В поиске этих логических форм в учении отечественного философа права сказалось влияние теорий В. Виндельбанда и Г. Риккерта, идей Г. Когена, П. Наторпа и других представителей Марбургской и Баденской школ неокантианства.

На такой «методологический эклектизм» обратил внимание В. А. Савальский, подвергший критике учение Б. А. Кистяковского о праве. По Савальскому, Кистяковский в своих взглядах склонялся к «критицизму неохиттеанцев в понимании Виндельбанда», сближаясь отчасти с положениями Марбургской школы. Речь шла о вопросах методологии общественных наук. Согласно Савальскому, рассмотрение Кистяковским индивидуального и социального сознания как принципиально тождественных сближало его с представителями Марбургской школы. Кроме того, доктрина Кистяковского «не довела анализа своих понятий до конца» и нуждается в трех поправках: в архитектурной законченности, в изменении решения спора между Зиммелем и Штаммлером о понятии общества, в доказательстве телеологической природы юридических понятий. По первому пункту, замечал Савальский, у Кистяковского пропущен анализ идей индивида и государства, несмотря на то что проблема их соотношения — важнейшая в философии права; по второму пункту вопрос о понятии общества решается Кистяковским «ни в сторону Зиммеля, и ни в сторону Штаммлера, а в сторону Когена», что является методологической непоследовательностью его подхода; по третьему пункту, чтобы доказать, что образование юридических понятий возможно только в телеологии и в научной этике (ориентированной на логику и юриспруденцию), следует, по мнению рецензента, обратиться к теории Когена (Савальский, 1909, т. 1, с. 257 — 258).

Представляется, что Савальский непоследователен в своих предписаниях по исправлению ошибок Кистяковского: он уличал своего оппонента в нарушении методологической чистоты баденского неокантианства и в сближении с позицией Когена, а одновременно предлагал ему эти же заимствования в качестве необходимых в третьем пункте своих предложений. Следует также заметить, что В. А. Савальский, критически оценивая методологические приемы учения Б. А. Кистяковского, считал их присущими всем представителям Баденской школы. Противоположность же сущего и должного, логики и этики, природы и культуры, уверяет отечественный философ права, достигается не в нормативном подходе «Фихте — Риккерта — Виндельбанда — Новгородцева», а в критической философии Когена (Савальский, 1909, т. 1, с. 355), ярким защитником которой и считал себя Савальский.

Следование неокантианской философии в правовом учении Б. А. Кистяковского проявилось в исследовании рациональной и иррациональной природы права. Необходимо отметить особое внимание к проблеме рационального и иррационального именно русского неокантианства (Белов, 2009, 2012).

К началу XX в. в юридической среде нормативный характер права был общепризнан, хотя источник норм правоведы определяли по-разному: одни считали таковым государство, другие — социальные отношения, третьи —

психические переживания, четвертые — этическое сознание. В данном случае неокантианский мотив в теории Кистяковского проявился в особом указании на нормативный характер правовых норм и права в целом, на его независимость от каких-либо внешних авторитетов или внутренних мотиваций поведения человека. Право состоит из норм, норма как правило поведения представляет собой результат разумной деятельности человека и потому относится к рациональной области мотивации. Правовой норме присуща общность, которая, по его мнению, проявляется в двух отношениях. Во-первых, она выступает общностью по содержанию — нормы права заключают правило, согласно которому при определенных обстоятельствах необходимо действовать известным образом. Во-вторых, данная общность имеет логический характер: правовые нормы устанавливаются для лиц, определяемых видовыми признаками¹. Логическая общность норм права сближает ее с логическим понятием, однако правовая норма сложнее ввиду ее двойного характера: общности положения и общеобязательности. Рациональный элемент в нормах права — основная их характеристика. Поскольку право состоит из норм, оно есть нечто безусловно рациональное. Подобно понятиям, это нечто создается разумом, без которого нормы не могут быть ни созданы, ни сформулированы (Кистяковский, 1998, с. 212). Нормы права как результат сознательной деятельности людей, так же как и понятия, выражают нормальное (типичное) сознание и поведение лиц. Однако право включает не только правовые нормы, но является, как отмечалось, фактом социальной жизни. В действительности право реализуется через правовые отношения, поэтому большую роль играет понимание значения субъективного права². Правовые отношения реализуются через субъективные права и юридические обязанности; при этом они — безусловно конкретны, единичны и индивидуальны.

Иррациональный характер субъективного права проявляется в том, размышлял ученый, что если взять это право так, как оно есть в действительной жизни, а не в теории (система понятий), то оно представляет собой «конкретную совокупность единичных правоотношений и индивидуальных прав и обязанностей, существующих в том или ином обществе в определенный момент времени» (Кистяковский, 1998, с. 213). Таким образом, по своей логической природе субъективное право противоположно объективному: объективное право — это совокупность рациональных продуктов духовной деятельности человека, субъективное же — совокупность жизненных фактов, имеющих правовое значение. Юридические факты, влияющие на движение правовых отношений, всегда индивидуальны, неповторимы и потому представляют собой «нечто безусловно иррациональное». В посто-

¹ В сознании человека любая норма права предполагает, что согласно с ней должно действовать не одно какое либо лицо, а все те лица, к которым обращено данное правило поведения (Кистяковский, 1998). Это так называемая логическая всеобщность характерна для всех правовых норм, в первую очередь для запретительных.

² Основываясь на логическом анализе, Б. А. Кистяковский настаивал на различении объективного и субъективного права: «В то время как объективное право в силу того, что оно есть совокупность норм, состоит из ряда явлений, которые по самой своей природе родственны понятиям, субъективное право состоит из ряда явлений, которые по своей природе прямо противоположны понятиям» (Кистяковский, 1998, с. 212).

янном процессе меняющихся правовых явлений постепенно возникают новые правовые образования. Это фактическое право существует какое-то время в виде иррациональных правовых фактов. Рационализация с помощью закрепления социальных отношений правовыми нормами, по оценкам Б. А. Кистяковского, наступает позднее. С этих позиций ученый критиковал подходы юридического позитивизма (юриспруденцию понятий, по Иерингу), представители которого отождествляли субъективное и объективное право. Применение права, по их мнению, сводится к простому подведению частного случая под общую норму, то есть логическую операцию построения известного силлогизма (норма права — большая посылка, случай, к которому она применяется — меньшая посылка, само применение — заключение).

В противоположность этому взгляду те, кто выступает за индивидуализацию применения правовых норм, считал Б. А. Кистяковский, исходят из более глубокого осмысления содержания права, то есть охватывают его не только с рациональной (логической), но и с иррациональной (жизненной) стороны. К такому подходу тяготеют исследования социологической и естественной школ права. В этой связи он особо выделял значение социологического метода в юриспруденции: необходимо судить о праве и принимать правовые решения не только на базе объективного права, но и права, осуществляющегося в жизни³. Правовые факты, лежащие в основе правовых отношений, представляют собой бесспорную сторону реальности права. Именно здесь право существует в неразрывной связи с материальными элементами социальной жизни; реальное право только и существует в правовых отношениях.

Что же касается правовой нормы, то она, по мнению русского ученого, включает и ряд понятий, которые образуются из представлений, формирующихся на основе психических переживаний. Однако как идеальное научное понятие категория «норма права» должна быть «очищена» от всех этих психических переживаний. Ей следует ориентироваться на другие цели (по сравнению с научными истинами) и вызывать вереницу непосредственных ощущений, впечатлений, представлений и т. д. Право апеллирует не только и не столько к мыслительной деятельности и логическому аппарату человека, а затрагивает все богатство его душевных переживаний. Вместе с тем они, как справедливо замечал Б. А. Кистяковский, не составляют достижений отдельной личности, а свойственны в той или иной мере осознания всем членам общества. Это заставляет признать, что бытие правовых норм (несмотря на то что они состоят из понятий) заключается в чем-то большем, чем бытие научных понятий (Кистяковский, 1998, с. 217). Коль скоро суть норм права заключается в их реализации, это придает существованию правовых норм многообразию форм их проявления, что не свойственно научным понятиям. Данный факт, полагал Кистяковский, до-

³ Призыв изучать правовую действительность и считаться с нею при решении правовых вопросов был характерен для социологического направления в праве последней четверти XIX — начале XX в.: «Существенная задача судьи состоит в индивидуализировании права. Если закон выражается общими правилами, то дело судьи в каждом случае придать такому общему правилу свой особый смысл, сообразный с условиями случая» (Муромцев, 1893, с. 10).

казывает, что в основе правовых норм лежат иррациональные психические переживания, которые не могут оставаться только абстрактными отвлечениями. Поэтому помимо рационального интеллектуального момента отечественный правовед признавал крайне важным рассмотрение и волевого элемента в праве. Сущность волевых движений, порождаемых правовыми нормами в сознании, по его мнению, иррациональна. Этот сложный феномен права подлежит глубокому изучению в рамках теории и философии права, и в области исследования права, считал ученый, должно быть сделано то же самое, что сделал В. С. Соловьев в сфере изучения этики⁴.

Ценные замечания Богдана Александровича Кистяковского, ставившего перед собой задачу расширения и углубления научных знаний всех правовых явлений⁵, без сомнения, могут и должны быть восприняты и развиты современной юриспруденцией, философией и социологией права.

Список литературы

1. Белов В. Н. Проблема рационального и иррационального в русском неокантианстве // *Духовный континент русской философии*. Саратов, 2009. С. 159–180.
2. Белов В. Н. В. Э. Сеземан – систематик русского неокантианства // *Вопросы философии*. 2012. №4. С. 121–127.
3. Елшник Г. *Общее учение о государстве*. СПб., 2004.
4. Кант И. *Критика чистого разума*. М., 1994.
5. Кистяковский Б. А. *Социальные науки и право : очерки по методологии социальных наук и общей теории права* // Кистяковский Б. А. *Философия и социология права*. СПб., 1998.
6. Муромцев С. А. *Определение и основное разделение права*. М., 1879.
7. Муромцев С. А. *Право и справедливость* // *Сборник правоведения и общественных знаний*. 1893. Т. 2.
8. Петражицкий Л. И. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности*. СПб., 1909. Т. 1.
9. Савальский В. А. *Основы философии права в научном идеализме. Марбургская школа философии: Коген, Наторп, Штаммлер и др.* М., 1909. Т. 1.
10. Соловьев В. С. *Оправдание добра. Нравственная философия* : соч. в 2 т. М., 1988.

Об авторе

Елизавета Александровна **Фролова** — канд. юр. наук, доцент кафедры теории государства и права и политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, frolova.msu@mail.ru

⁴ В. С. Соловьев в «Оправдании добра» показал, что истоки этических отношений и норм обнаруживаются в иррациональных переживаниях стыда, жалости и благоговения, которые развиваются и трансформируются в этические принципы (Соловьев, 1988, т. 1.)

⁵ Кроме логически рациональных и иррациональных элементов в праве Б. А. Кистяковский обозначал технически рациональное и иррациональное (целесообразное и нецелесообразное); этически рациональное и иррациональное (доброе и злое); философско-историческое рациональное и иррациональное (осмысленное и бессмысленное).

KISTYAKOVSKY ON THE NATURE OF LAW

E. A. Frolova

This article explores the contribution of the Russian philosopher and theorist of law, neo-Kantian Kistyakovskiy, to the understanding of the essence of law. He supported methodological pluralism and identified four theoretical and two practical concepts of law.

The neo-Kantian motive in Kistyakovskiy's theory manifested itself in the reference to the normative nature of legal rules and law in general and its independence of any external authorities or internal motivations of human behavior.

According to Kistyakovskiy, the rational element of legal rules is their key characteristic. Not unlike concepts, law is created by reason, without which legal rules cannot be formulated. Legal rules are an expression of the normal (typical) human consciousness and behavior. However, law is also a fact of social life. In effect, law is exercised through legal relations and, therefore, an important role is played by the understanding of subjective law. Legal relations are realized through personal rights and legal responsibilities; they are concrete, singular, and individual.

Key words: philosophy of law, neo-Kantianism, legal rules, legal responsibilities, personal rights.

References

1. Belov, V.N. 2009, Problema racional'nogo i irracional'nogo v russkom neokantianstve [The problem of rational and irrational in Russian neo-Kantianism], in *Duhovnyj kontinent russkoj filosofii* [Spiritual continent of Russian philosophy], Saratov, pp. 159 – 180.
2. Belov, V.N. 2012, V. Je. Sezeman — sistematik russkogo neokantianstva [Sezeman — the taxonomist of Russian neo-Kantianism], in *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], no. 4, pp. 121 – 127.
3. Jelinek, G. 2004, *Obshhee uchenie o gosudarstve* [The general doctrine about the state], Saint Peterburg.
4. Kant, I. 1994, *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason], Moscow.
5. Kistyakovskiy, V.A. 1998, Social'nye nauki i pravo: ocherki po metodologii social'nyh nauk i obshhej teorii prava [Social sciences and right: sketches on methodology of social sciences and the general theory of the right], in Kistyakovskiy V.A. *Filosofija i sociologija prava* [Philosophy and sociology of law], Saint Peterburg.
6. Muromtsev, S.A. 1879, *Opreделение i osnovnoe razdelenie prava* [Definition and main division of the law], Moscow.
7. Muromtsev, S.A. 1893, Pravo i spravедливост' [The law and the justice], in *Sbornik pravovedenija i obshhestvennyh znaniy* [Collection of jurisprudence and public knowledge], t. 2.
8. Petrazhitsky, L.I. 1909, *Teorija prava i gosudarstva v sovjazi s teoriej nравstvennosti* [The law and state theory in connection with the moral theory], Saint Peterburg, t. 1.
9. Savalsky, V.A. 1909, *Osnovy filosofii prava v nauchnom idealizme. Marburgskaja shkola filosofii: Kogen, Natorp, Shtammmler i dr.* [Fundamentals of legal philosophy in scientific idealism. Marburg school of philosophy: Kogen, Natorp, Shtammmler, etc.], Moscow, t. 1.
10. Solovyev, V. S. 1988, *Opravdanie dobra. Nравstvennaja filosofija, v 2 tomah* [Good justification. Moral philosophy], Moscow.

About the author

Dr Yelizaveta Frolova, Associate Professor, Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, frolova.msu@mail.ru